

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-12

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Александр Юрьевич Епихин,
Казанский федеральный университет, Казань, Россия,
doc@epihin.ru

Екатерина Павловна Гришина,
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
Grishina.K.ru@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются исторический опыт и современное состояние правового регулирования отечественного уголовного судопроизводства в контексте влияния на его реформирование национально-исторических традиций, особенностей менталитета и социальных ожиданий российского народа, формулируются предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Материалы и методы: в исследовании использовались диалектико-материалистический, логический, исторический, историко-компаративный методы.

Результаты исследования: в результате проведенного анализа сформулированы предложения о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Обсуждение и заключение: предложенные законодательные изменения направлены на укрепление начал состязательности, гуманности и справедливости отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: исторические традиции; национальный менталитет; гласность; состязательность; справедливость; правосудие; стороны; истец; доказательства; судебный процесс; договоры; судебники; свидетели; послухи; поединок; поле; крестное целование; ордалии; уголовное судопроизводство

© Епихин А.Ю., Гришина Е.П.

Для цитирования: Епихин А.Ю., Гришина Е.П. Влияние историко-правовых традиций и национального менталитета на формирование уголовного правосудия в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 94 – 105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-12

Scientific article
UDC 343.13
DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-12

HISTORICAL EXPERIENCE AND TRADITIONS OF RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Alexander Yurievich Epihin,
Kazan Federal University, Kazan, Russia,
doc@epihin.ru
Grishina Ekaterina Pavlovna,
Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
Grishina.K.ru@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the historical experience and the current state of legal regulation of domestic criminal proceedings in the context of the influence on its reformation of national-historical traditions, mentalities and social expectations of the Russian people. It puts forward suggestions for improvements to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: the study employed a range of methods, including dialectical-materialistic, logical, historical, and historical-comparative approaches.

Results: the analysis provided proposals for potential amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the proposed legislative changes are designed to reinforce the adversarial principles, humanity, and fairness of domestic criminal proceedings.

Keywords: historical traditions; national mentality; glasnost; adversarial; fairness; justice; parties; plaintiff; evidence; judicial process; contracts; judicial; witnesses; obedience; duel; field; cross kissing; ordalia; criminal proceedings

© Epihin A.Yu., Grishina E.P., 2024

For citation: Epihin A.Yu., Grishina E.P. The Influence of Historical and Legal Traditions and National Mentality on the Formation of Criminal Justice in Russia. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(4):94-105. (In Russ.). DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-12

Введение

Реформы отечественного законодательства о судебной деятельности и государственной власти в целом, независимо от масштабности поставленных целей и решаемых задач, предполагают обращение к историческому наследию, традициям и особенностям национального менталитета. Процесс пересмотра законодательных установлений идет не только непрерывно, но и «параллельно» с эволюцией гражданского общества, которому не безразлично, в каких условиях будут жить его представители, насколько эффективно будут защищены их права, свободы и законные интересы и какую роль в этом процессе сыграет государство.

Отмеченное в полной мере относится к деятельности, именуемой правосудием и олицетворяющей собой особый вид государственно-властной деятельности, осуществляемой в регламентируемой им процессуальной форме, предполагающей рассмотрение и разрешение уголовных, гражданских, административных и иных

дел (особую форму представляет собой конституционное правосудие) путем вынесения именем Российской Федерации общеобязательных решений, отражающих правовое разрешение социального конфликта.

Обзор литературы

Вопросы влияния исторических традиций, опыта и национального менталитета российской общности на формирование и преобразование отечественного правосудия по уголовным делам обсуждались в юридической науке в работах А.В. Агутина, Н.В. Азаренка, Ф.Н. Багаутдинова, В.М. Бозрова, П.А. Лупинской, Н.С. Мановой, Н.П. Печникова, А.В. Победкина, И.В. Смольковой и др.

Результаты исследования

Многовековой опыт российского государства олицетворяет собой череду сменяющих друг друга реформ отечественного правосудия, основу которых составляют историческая преемственность правовых систем, национально-этические, религиозные традиции и менталитет российского со-

циума, его ожидания, отношение к власти, суду и закону. Для того чтобы проводимые на современном этапе реформы возымели предполагаемый успех, необходимо непрерывное обращение к историческому наследию – источникам, на основе которых вершилось правосудие в Древней Руси, Российской империи, советском государстве и в постсоветский период, выявление эволюции судебного процесса, оценка его сильных сторон и просчетов, с тем чтобы воплотить позитивные моменты и избежать просчетов в обновленном законодательстве. Правосудие обладает весомой правовой ценностью, которая, по обоснованному утверждению В.А. Телегиной, «определяется пользой для бытия права, его функционирования и развития» [1, с. 8], а также, как считает В.В. Ершов, отражением интегративного понимания права с учетом происходящих в мире процессов глобализации» [2, с. 16].

В правовой доктрине распространено мнение, что правосудие имеет своим главным предназначением защиту государства, общества, граждан и организаций от противоправных посягательств, незаконного ограничения их прав и законных интересов, также восстановление нарушенного права, а в конечном итоге – справедливости. И с гуманитарных позиций подобное утверждение в большей мере соответствует духовно нравственным запросам и традициям российского общества [3, с. 130]. Выдающийся судебный деятель А.Ф. Кони более ста лет назад писал именно о том, что правосудие не может быть отрешено от справедливости [4, с. 130].

Российское правосудие также основано на конституционных предписаниях об определяющей роли прав человека и гарантированности государством его прав и свобод (ст. 18 и ст. 46 Конституции Российской Федерации¹, далее – Конституция РФ, Основной закон), являющихся закономерным продолжением глобальной установки Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.² о важнейшем праве каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами (ст. 8).

Правосудие в традиционном (общепринятом, устоявшемся) понимании представляет собой форму реализации судебной власти как разновидности власти государственной, призванной удовлетворять потребности социума при необхо-

димости генерировать обеспечиваемый мощью государства «механизм разрешения конфликтов на основе норм права» [5, с. 12].

Объяснение судебной власти с позиции политико-правовой глобализации и конвергенции во главу угла ставит проблему доступа к правосудию, поскольку при ином положении дел и законодательная, и исполнительная власть утрачивают свою первоначальную значимость. В этом заключается ценность правосудия как способа разрешения спора, юридической оценки противоречивых требований, защиты прав, свобод и законных интересов участников судебного разбирательства. Рассмотрение права граждан на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве обладает особенностью, порождающей необходимость в расширительном истолковании правосудия именно по этой категории дел, поскольку их права и законные интересы возникают уже на досудебной стадии производства по уголовному делу, «с момента наделения лица процессуальным статусом участника уголовного процесса, что значительно раньше рассмотрения дела по существу» [6, с. 25].

Важно помнить, что, осуществляя защиту прав, свобод и законных интересов, в то же время суд не является правоохранительным органом в «классическом» понимании, как органы прокуратуры, МВД России, прокуратуры РФ, ФСБ России, ФСИН России и т. д. Главное предназначение суда – разрешить в процессуальной форме правовой спор и вынести справедливое решение, как гласит древняя русская пословица, «суд не на осуд, а на рассуд». Примечательно, что в качестве способа разрешения правового спора истолковывал правосудие видный представитель отечественной науки уголовно-процессуального права профессор М.С. Строгович, полагавший, что «осуществлять правосудие – значит судить о праве, то есть о применении права (закона) к отдельному факту, отношению» [7, с. 19]. Конституционный Суд Российской Федерации расширил границы правосудия, признав таковым деятельность суда по рассмотрению поданных в суд жалоб на действия (бездействие) любых государственных органов, включая судебные³.

Таким образом, правосудие представляет собой вид государственной деятельности – форму реализации судебной власти, осуществляемую

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 03.03.2014. № 9. Ст. 851.

² Российская газета. 1995. 5 апреля.

³ По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2012 № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.12.2012. № 51. Ст. 7323.

в особой процессуальной форме (рассмотрения и разрешения по существу подсудных дел), в юридическом и содержательно-функциональном плане олицетворяющую собой средство обеспечения, защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, признания оспариваемого и восстановления нарушенного права. В глобальном понимании правосудие может истолковываться как форма осуществления судебной власти, предназначение которой – обеспечивать особый правопорядок, при котором в равной степени посредством правоприменительной деятельности суда защищаются права физических лиц, организаций, а также общественные и государственные интересы.

Отдельными представителями научного сообщества правосудие определяется не только как исключительно внутригосударственный феномен, но и как универсальное средство укрепления и сохранения мира и стабильности в международном масштабе, реализуемое исключительно в правоприменительной и никакой иной форме и завершающееся особым результатом – актом правосудия [8, с. 36].

Российский суд на всем протяжении истории своего существования «представлял собой правовую, уникальную, традиционно-историческую, непрерывно совершенствующуюся реальность, социальной основой которой «выступала потенциальная способность человечества, базируясь на такой социальной ценности как право, мобилизовывать свои ресурсы для разрешения реально возникающих и потенциально возможных социальных конфликтов» [9, с. 117]. И процесс подобной трансформации отличался открытым (гласным, публичным) и состязательным характером.

Начала гласности (открытости, публичности) и состязательности отечественного уголовного судопроизводства были заложены во времена Русской Правды (Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Устав, период 1016 – 1079 гг.), при этом на начальном этапе не было четкого разграничения процесса на гражданский и уголовный. Русская Правда явилась скрепом российского права и российской государственности в период ее действия и на сегодняшний день является таковой, поскольку не утратила своей значимости не только для исследователей, но и для законодателя, а также практических работников.

В дальнейшем традиции Русской Правды получили развитие в Смоленской торговой грамоте 1229 г., Псковской и Новгородской судных грамотах, Судебниках 1497, 1550, 1589, Соборном Уложении 1649 гг., а также в 16 уставных грамотах,

принятых вследствие объединения русских земель вокруг Москвы.

На начальном этапе процесса по Русской Правде выделялись такие стадии, как «заклич» (объявление истцом (доносчиком, ябедой) на торгу – в публичном месте при большом скоплении народа о преступлении), «свод» (движение сторонами процесса, направленное на поиск виновного и/или похищенного имущества, осуществляемое до отыскания лица, которое не сможет дать вразумительные объяснения по поводу расследуемого события) и «гонение следа» (отыскание преступника по следам, но если след выходил на большую дорогу – гонение предполагалось бессмысленным и прекращалось). Таким образом, уже на первоначальном этапе преследования преступника предполагалось наличие состязательности, поскольку инициатива возбуждения производства и продвижения его по пути установления личности «злодея» принадлежала пострадавшему от противоправных действий и «налицо были спорящие стороны, которые равным образом были наделены правами представлять суду доказательства» [10, с. 9]. Судебный процесс также был гласным и состязательным при публичном крестоцеловании, испытании водой, огнем, раскаленным железом, принесении клятвы или присяги, судебного поединка, практиковалось также поле (ордалии, суд Божий) – схватка представителей и защитников, позже – послухов (наймитов) конфликтующих сторон. Проигравший в ордалии считался изобличенным и осужденным Господом, и справедливость такого решения сомнению не подвергалась. Примечательно, что результаты перечисленных действий признавались доказательством по любой категории споров, в том числе тем, которые по своей природе и предмету фактически являлись гражданско-правовыми, но процедурно не обособлялись. На поединке за истца мог биться наемный боец (наймит), но, если «в полевом поединке сходились две женщины, что Псковской судной грамотой допускалось, ни одну из них нельзя было заменить наемником» [11, с. 139].

В Новгородской судной грамоте 1471 г. в деталях описывается обряд крестного целования, значимость и убедительность которого также не ставится в зависимость от вида спора: «ино крест поцеловав одинава да искать: а кому будет отвечать, а креста не целовав на сей грамоте, ино ему крест поцеловав да отвечать, а не поцелует креста, тем его и обвинить» (ст. 14), «а ответчику с послухом на учане крест целовать» (ст. 19). Примечательно, что крест надлежало целовать не только тяжущимся, их послухам (свидетелям),

но и самим судьям – «посаднику и тысячцкому и владычню наместнику и их судьям и иным судьям, всим крест целовать да судить им в правду» (ст. 27). Подобный обряд способствовал удостоверению и признанию судебного процесса как «праведного судейства» [12, с. 50], исключаящего не только злоупотребление, но и легкомыслие судей при принятии решения. Значимость обряда крестоцелования как способа удостоверения честности участника судебного спора или судьи предопределялась религиозностью и соборностью (духовным единением) российского народа, его ментальной убежденностью в невозможности обмана и лжи в судебном процессе (например, оговора или осуждения невиновного, оправдания («выправления») виновного, сведения счета с обидчиком, нечестного завладения чужим имуществом), если обещание поступать по совести дается самому Богу.

Единый порядок отстаивания своей правоты, к примеру, по делам об убийстве, татьбе, разбое и земельным, торговым спорам действовал ввиду то, что разграничение судебного процесса на гражданский и уголовный в законодательном изложении, максимально приближенном к современному, состоялось в ходе судебной реформы второй половины XIX столетия, главным достижением которой является принятие Судебных Уставов 1864 г.

Примечательно, что в исторических источниках встречаются отдельные положения, свидетельствующие о намерении привнести в судебный процесс государства российской черты гуманности, объективности, справедливости, объединения их с началом разумности, которое вне зависимости от нормативного признания способствует продвижению правосудия на более высокий уровень, отражающий эволюцию государственной власти в целом. К примеру, в Смоленской торговой грамоте 1229 г. содержится следующее предписание: «Русину же не лже позвати Немцича на поле в Смоленске, ни Немцичу в Риге и на Готьском березе, или Немечкый гость битися в Руси межи собою меци или сулицами, Князю то ненадобе и никакому Русину, а правятся сами по своему суду» (п. 11), запрещающее, независимо от характера спора и значимости принимаемого решения, поединки, способные повлечь увечье или гибель тяжущихся и/или их послухов, родичей, если спор можно решить «по суду» более гуманным способом.

Гарантией справедливости судебного процесса не только в юридическом, но и этическом понимании была призвана стать клятва, которую на-

значенный на должность судья (посадник, посадский) должен был публично и письменно давать в том, что будет судить по справедливости, согласно данной присяге, «не будет пользоваться принадлежащими городу деньгами, никому не будет мстить своим судом, не будет принимать в расчет родство, губить правого, оправдывать виновного и никого без расследования дела осуждать ни на суде, ни на вече не будет» (ст. 3 Псковской судной грамоты). Присяга обязывала судью поступать по совести, руководствуясь законом и принимая решение по справедливости, то есть на основе установленных фактов, подтверждающих или опровергающих обвинение (иск), при обязательной оценке мотивов совершения деяния, а также личностных характеристик участников процесса.

Справедливый суд именовался в древних и средневековых источниках государства российского правдой и должен быть равным для всех. В частности, в главе «О суде» Соборного уложения 1649 г. содержалось предписание судом государя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси «судити и всякую расправу делати взаправду, а не по дружбе или недружбе», «недругу не мстити и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящаго от руки неправедного» (п. 1). Гарантией справедливости судебных решений по Соборному уложению выступала установленная для судьи обязанность заявить самоотвод: «А будет которой судья исцу недруг, а ответчику друг или свой, ... ответчати ему перед тем судьей не мощно» (п. 3).

Справедливость как непреложная ценность, являющаяся внутренним свойством права, изначально составляла основу доминирующих представлений процесса реформирования судебного права, и в силу подобного обстоятельства в процессе активно использовались источники обычного права (грамоты, договоры, ряды) [13, с. 58], отражающие не только политическую линию государства, но и, насколько это возможно в условиях конкретного исторического периода, национальные, религиозные и иные традиции, особенности менталитета российского народа, его верования и ожидания.

Обычаи политических, торговых, деловых, семейных и иных отношений предполагают возможность мирного (посредством примирения) разрешения спора и иной конфликтной ситуации. Умение договариваться, достигать компромисса, прощать, стремление к примирению и воссоединению – отличительная черта русского человека, которая красной нитью пронизывает

его существование и поступки, в том числе при участии в судебном споре. В силу подобного обстоятельства законы, регламентирующие судебные процедуры в российском государстве, содержали нормы о примирении. В подтверждение приведенного состояния правового регулирования можно привести нормы Судебника Ивана IV Грозного 1550 г., устанавливающие возможность сторонам прийти к примирению до начала судебного поединка и во время судебного поединка; после этого судьями с них может быть взыскана пошлина (ст. 8 и ст. 10).

Во времена царствования Петра I Великого (1682 – 1725 гг.) уголовное, уголовно-процессуальное законодательство и судебный процесс отличались весьма интенсивным развитием. Основными нормативными источниками в данном направлении являлись Артикул воинский от 25 апреля (6 мая) 1715 г. (далее – Артикул) и Краткое изображение процессов или судебных тяжб, опубликованное в апреле 1715 г. (далее – Краткое изображение судебных процессов). Процедурные нормы, имеющие своим назначением пресечение воинских преступлений и назначение справедливого наказания за подобные деяния, содержались в разделе втором Артикула, в то же время отдельные предписания религиозного и патриархального (признание власти царя и самодержца всея Руси), значимые для судебного процесса, излагались в первом разделе, в частности, Артикул первый предписывал «всем обще и каждому христианину без изъятия ... христианско и честно жить, и не в лицемерном страхе божий содержать себя», а в Артикул седьмой – «пресвятое и достохвальное имя божие да не воспримется всуе, в клятве, божбе и лже». Приведенные законодательные установления явились закономерным историческим продолжением клятвы и крестоцелования на суде, поскольку предписывали следовать Божьим заповедям при любых жизненных обстоятельствах. Краткое изображение судебных процессов содержало значимое для поддержания авторитета судебной власти в целом установление о том, что «суд всегда из некотораго числа честных особ сочинен бывает, которым ... власть и мощь во управлении правосудия дана. Оным тягающиеся особы свои тяжёбые дела порядочно доносить, и по правам на оные решения от них получить могут» (ст. 2) [14, с. 173]; «...хотя обще всем судьям знать надлежит права и разуметь правду, ибо не разумеющий правды не может разсудить ея» (ст. 7). В конечном счете ознакомление с законодательными источниками петровской Руси позволяет прийти к выводу о том, что достижение правды

в судебном процессе предполагается в качестве гарантии принятия судьями справедливых решений, и дополнительной гарантией этого выступает предписание аудитору «накрепко смотреть, чтоб каждого без рассмотрения персон судили, и самому не похлебствовать никому, но сущю правдою в деле поступать» [14, с. 173].

Особый этап формирования и последующей реализации правосудия по уголовным делам в Российской империи ознаменовала собой судебная реформа второй половины XIX в., в ходе которой 20 ноября 1864 г. был принят комплексный законодательный акт – Судебные уставы, изменившие судоустройство и судопроизводство России, оформив их фактически по современному образцу, особенно (если принять во внимание восстановление в постсоветский период суда присяжных). В указе Правительствующему сенату по случаю издания Судебных уставов император Александр II обозначил цель проводимой реформы: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону».

Одним из законов, входящих в Судебные уставы, явились Уставы уголовного судопроизводства (далее – УУС, Уставы), представляющие собой облаченные в правовую форму прогрессивные идеи уголовного преследования, правосудия по уголовным делам, защиты прав участников уголовно-судебного процесса. Примечательно, что УУС содержали норму о допустимости примирения подсудимого и потерпевшего, влекущего прекращение производства по делу и освобождение обвиняемого от личной ответственности и признающего отречение от вознаграждения, «если обиженный не оставил за собой права на иск гражданский» (ст. 20). Отметим, что примирительные процедуры, идея которых в качестве правового и процессуального состояния была в нормативно проработанном виде предложена разработчиками Судебных уставов, успешно развиваются и в современном уголовном судопроизводстве. В частности, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 г. судами Российской Федерации было прекращено 35 196 уголовных дел в связи с примирением подсудимого с потерпевшим; 137 – в связи с деятельным раскаянием; 275 – в связи с отсутствием заявления потерпевшего; в 2022 г. эти показатели составили соответственно 35 800, 145 и 326 уголовных дел (ведомственное статистическое наблюдение).

Заслуживает внимания и то, что термин «обида», встречающийся в законодательстве государства российского с древних времен, снискал свое воплощение и в УУС, поскольку лицо, пострадавшее от преступного деяния, именовалось обиженным, при этом идеи христианского прощения и судейской гуманности, справедливости, а нередко и сострадания к преступившему закон, также не остались без внимания законодателя. В частности, в указанном ключе можно отметить ст. 25, 180, 934 – 940, устанавливающие порядок возобновления дела при открытии доказательств невинности осужденного или «понесения» им наказания по судебной ошибке свыше меры содеянного, а также ст. 26 о восстановлении чести и прав невинно осужденного, которое допускалось во всякое время, несмотря ни на «протечение давности», ни на смерть осужденного, и ст. 32, 708 – 784 – о праве оправданного на вознаграждение за вред и убытки, от неправильного обвинения последовавшие.

Важнейшим итогом судебной реформы 1864 г. стало учреждение института присяжных поверенных, участие которых в судопроизводстве поднимало на более высокую ступень и укрепляло состязательные начала последнего, который к этому времени окончательно сформировался по романо-германскому (смешанному) типу: с розыскным (инквизиционным) характером производства на досудебных стадиях и реализации состязательных начал, в последующем трансформировавшихся в одноименный принцип, в судебном разбирательстве. Защитник подсудимого, согласно ст. 744 УУС, наделялся правом приведения в защитительной речи аргументов и обстоятельств, а также доводов, смягчающих вину подсудимого либо свидетельствующих в пользу невинности последнего. Уставы предписывали особые требования к осуществлению защиты в суде с участием присяжных заседателей с тем, чтобы оградить не сведущих в юриспруденции «судей факта» от излишней (шокирующей, психотравмирующей, способной вызвать предубеждение в виновности подсудимого без должной оценки фактов, а также сформировать негативное отношение к нему) информации. По делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, защитник подсудимого в прениях, предшествующих вынесению вердикта коллегии присяжных заседателей, должен был, согласно ст. 746 УУС, ограничиться применением к делу только тех законов, которыми определяется свойство рассматриваемого преступления или по которым подсудимый

в случае его осуждения может быть признан заслуживающим снисхождения.

В результате судебной реформы 1864 г. официальное признание в форме, близкой к современной, получило и государственное обвинение, поскольку уголовное преследование, осуществляемое прокуратурой, встало в один ряд с ее функцией по осуществлению надзора и распространилось на судебные стадии, что позволило прокурору стать государственным обвинителем [15, с. 104]. В свою очередь, государственное обвинение и защита как две функции, реализуемые сторонами с противоположными интересами, способствовали развитию состязательных начал процесса, заложенных во времена Русской Правды.

Примечательно, что с появлением в связи с нововведениями судебной реформы 1864 г. в отечественном уголовном судопроизводстве государственного обвинителя связано и появление возможности пересмотра позиции обвинения в суде. На основании ст. 740 Уставов, если прокурор усматривал при рассмотрении дела судом основания для оправдания подсудимого, то он от имени государства обязан был «заявить о том суду по совести».

Значимость состязательных начал правосудия подчеркивали выдающиеся ученые XIX столетия, являвшиеся вдохновителями и проповедниками прогрессивных идей судебной реформы. В частности, С.И. Викторский полагал, что состязательность перед судом обвинительных и защитительных доводов олицетворяет собой лучший путь достижения истины [16]. Аналогичное мнение высказано В.М. Гессеном, признававшим значимость состязания обвинительной и защитительной сторон в суде и утверждавшим, что «где нет спора – нет суда» [17, с. 3].

События октября 1917 г. существенным образом повлияли на порядок осуществления правосудия в советской республике, но в то же время никакие революционные преобразования не могли стереть из сознания законодателя прогрессивный исторический опыт, культурные и национальные традиции отечественного правосудия, отражавшие менталитет и ожидания российского народа. К примеру, Декрет о суде № 1, упразднивший судебных следователей, прокурорский надзор, присяжную и частную адвокатуру (ст. 3), сохранил за прежними мировыми судьями право при их согласии быть избранными в местные суды как временно Советами, так и окончательно на демократических выборах (ст. 2). Следовательно, авторитет, профессионализм и личностные ка-

чества судей, такие, как честность, порядочность и неподкупность, ценились высоко и не подвергались сомнению.

Уголовно-процессуальные кодексы советского периода устанавливали право суда на оправдание; отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения; право обвиняемого на защиту и случаи обязательного участия защитника; требования, предъявляемые к доказательствам; процессуальный статус участников и другие требования, явившиеся результатом эволюции российского уголовного судопроизводства как особого вида государственной деятельности и, в том числе, осуществления правосудия по уголовным делам.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (далее – УПК 1960 г.), по аналогии с Основами уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., содержал норму о задачах уголовного судопроизводства, в числе которых указывались справедливость назначения наказания и ограждение невиновного от уголовной ответственности, воспитание граждан в духе неуклонного исполнения законов и уважения правил социалистического общежития (ст. 2).

УПК 1960 г. предусматривал обязанность прокурора отказаться от обвинения с указанием мотивов такого отказа, если в результате судебного разбирательства он придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения. Отказ от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности либо невиновности подсудимого (ст. 248). После принятия Конституции РФ 1993 г. данная норма была признана Конституционным Судом Российской Федерации противоречащей конституционным положениям (ст. 49 и 123 (ч. 1))¹.

В 1993 г. УПК 1960 г. был дополнен разделом X «Производство в суде присяжных», ст. 429 устанавливала требование к производству предварительного слушания в суде – соблюдение принципа состязательности. Предписывалось также суду обеспечивать равенство прав сторон, а также сохранять объективность и беспристрастие для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела.

Глобальные изменения в судебной деятельности Российской Федерации были вызваны принятием Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в Российской Федерации² (далее – Концепция), текст которой был подготовлен группой ведущих ученых-экспертов в области права. Предлагаемая реформа была ориентирована на революционный (в противовес эволюционному), кардинальный, глубинный путь преобразования судебной системы в целом и ее функционального «ядра» – осуществления правосудия, в частности.

По причине неоправданной «американизации», т.е. стремления перестроить все стадии уголовного процесса по состязательному типу, отказавшись от исторически сложившегося, соответствующего национальным традициям, ментальным основам российского социума и подтвердившего на протяжении многовекового исторического опыта свою жизнеспособность, смешанного типа уголовного судопроизводства, игнорирования «исторической преемственности правовых систем» [18, с. 12] многие идеи и законодательные нововведения разработчиков и вдохновителей Концепции не возымели должного успеха и даже оказались откровенно провальными, что «не добавило доверия населения к проводимым реформам, обострило проблему правового нигилизма» [19, с. 4].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года³ (далее – УПК РФ) на волне воплощения в судебную деятельность постулатов Концепции содержит ряд положений, не согласующихся с историческим опытом российского правосудия. Прежде всего, следует отметить, что при изложении назначения уголовного судопроизводства (предложенного вместо его цели и задач) не содержится указания на признание за уголовным судопроизводством (и, прежде всего, правосудием по уголовным делам) высокой миссии обеспечения законности, противодействия преступности, формирования у населения должного уровня правосознания.

Преодоление подобной «несправедливости» видится в дополнении ст. 6 УПК РФ частью третьей следующего содержания: «3. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности, обеспечению правопорядка, созданию условий для своевременного

¹ По жалобе гражданки М.Е. Костровой на нарушение ее прав частью четвертой статьи 29 УПК РСФСР и жалобе гражданки П.А. Шлыкова на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 303 УПК РСФСР: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2001 № 297-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.02.2002.

² О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52. Ст. 4921.

предупреждения, всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, формирования уважительного отношения к закону».

Приведенный подход к определению назначения уголовного судопроизводства будет соответствовать национально-историческим, этическим традициям российского народа. Подобное состояние объективно оценивает профессор А.В. Победкин: «Из поколения в поколение передаются в России ценности, без которых она немислима: чувство справедливости, потребность в истине, приоритет духовности, гордость предков, совесть, милосердие, коллективизм, сострадание, служение отчизне, ненависть к врагу без мстительности» [20, с. 6].

Также представляется оправданным пересмотр положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ об отказе государственного обвинителя от обвинения с изложением суду мотивов своего отказа, если обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Несмотря на то, что данная норма признана не противоречащей Конституции РФ, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П¹ закреплено указание на то, что отказ государственного обвинителя от обвинения, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты.

Представляется, что суд должен предоставить потерпевшему возможность лично поддерживать обвинение в случае его несогласия с заявлением прокурора об отказе от обвинения, поскольку в этом случае уголовно-правовой спор нельзя считать окончанным.

Континентальная модель российского уголовного процесса порождает постоянный поиск ком-

промисса между государственными, общественными и частными интересами, которые каждая из сторон стремится выделить перед судом в качестве наиболее значимых; поскольку добиться на предварительном следствии подобного состояния невозможно, суд, разрешая уголовно-правовой спор, одновременно определяет и пределы возможного их удовлетворения. И в силу подобного обстоятельства принятое судебное решение олицетворяет собой уровень достигнутого баланса более глобальных состояний – частного и публичного начал процесса, которого удалось достичь, оценивая с позиции закона контрадикторные притязания.

Таким образом, следует констатировать, что значимой проблемой преобразования отечественного уголовного судопроизводства в контексте обеспечения его соответствия государственной политике в сфере противодействия преступности и ожидания социума является законодательное решение вопроса о соотношении публичного и частного начал процесса [21, с. 9-15].

Кроме того, в качестве позитивных новелл развития российского уголовного судопроизводства, в числе прочих, обеспечение безопасности участников уголовного процесса [23; 24], конвергенцию частных и публичных начал [22, с. 350-361].

Обсуждение и заключение

По результатам проведенного исследования предлагаем следующие законодательные изменения:

1. Дополнение статьи 246 УПК РФ частью 7.1 в следующей редакции «7.1. Решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части при отказе государственного обвинителя от обвинения принимается судом после рассмотрения мотивов действий государственного обвинителя, а также при установлении в процедуре, соответствующей требованиям составляемости, обоснованности таких отказа или изменения».

2. Дополнение статьи 246 УПК РФ частью 2 в следующей редакции «Судебное разбирательство может быть продолжено после отказа государственного обвинителя от обвинения по основаниям, указанным в части седьмой настоящей статьи, если потерпевший возражает против прекращения дела. В случае продолжения судебного раз-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 22.12.2003. № 51. Ст. 5026.

бирательства потерпевший поддерживает обвинение самостоятельно».

3. Дополнение УПК РФ статьей 11¹ следующего содержания:

«Статья 11¹. Публичное и частное начала уголовного судопроизводства

1. Уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с требованиями, определяемыми его частным и публичным началами.

2. В ходе уголовного судопроизводства в равной степени обеспечиваются интересы государства, физических лиц и организаций. Суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель и суд при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений, направленных на установление публичного правопорядка и защиту публичных интересов, обязаны в равной степени защищать законные интересы участников производства по уголовному делу, независимо от их волеизъявления.

3. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, участникам производства по уголовному делу предоставляется право выбора по своему усмотрению порядка предварительного расследования и судебного разбирательства.

4. Вред, причиненный лицу в результате незаконного ограничения его частных интересов судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению в порядке, установленном частью четвертой статьи 11 настоящего Кодекса».

Приведенные рекомендации нормоустановительного характера ориентированы на традиционные ценности и традиции отечественного правосудия, защита которых оказалась недостаточно эффективной в связи с поспешностью законодателя и отдельными несовершенствами формулировок, что в принципе неизбежно для любых реформ, главное – суметь своевременно обратиться к историческому наследию, воплотить значимые его установки в обновленном законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телегина В.А. Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. 28 с.
2. Ершов В.В. Право и правосудие как парные категории // Российское правосудие. 2014. № 1. С. 5 – 17.
3. Григорьев В.Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 127 – 133.
4. Кони А.Ф. Правовые воззрения // под общей редакцией В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. Москва, 1967. Т. 4. 546 с.
5. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. 53 с.
6. Морозов С.А. Понятие правосудия в российском уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 23 – 27.
7. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. Москва: Ин-т государства и права Академии наук СССР, 1939. 152 с.
8. Бурмагин С.В. О сущности, понятиях и пределах уголовного правосудия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 32 – 53.
9. Рубаник В.Е. Периодизация истории правосудия в Древней Руси IX – XV вв. в новейшей историографии: подходы и тенденции // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10). С. 116 – 119.
10. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2007. 27 с.
11. Михайлова И.Б. Полевой поединок – норма права в средневековой Руси // История повседневности: научный журнал. 2016. № 1. С. 136 – 152.
12. Бозров В.М. Основы теории процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Изд. дом Уральской государственной юридической академии, 2012. 96 с.
13. Козыренко Р.Н. Договор Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом 1229 года как источник доминирующих представлений о справедливости в Древней Руси // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сб. научн. трудов. Могилев: Могилевский ин-т МВД РБ, 2022. Вып. 10. С. 57 – 64.
14. Законодательство Петра I, 1696 – 1725 годы / сост., авт. предисл. и вст. сл. А. Томсинов. Москва: Зерцало, 2014. 461 с.

15. Горбачев В.П. Обвинение (уголовное преследование) как функция прокуратуры в Российской империи после реформы 1864 г. // *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 2. С. 101 – 112.
16. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 272 с.
17. Гессен В.М. О судебной власти // *Судебная реформа* / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. Т. 1. Москва: Объединение, 1915. Т. 1. 381 с.
18. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2021. 547 с.
19. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2005. 436 с.
20. Победкин А.В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. Москва: Юрлитинформ, 2024. 328 с.
21. Гришина Е.П. Публичное и частное начала как философская, социологическая и правовая категория: понятие, развитие в уголовно-процессуальной науке // *Юридический вестник ДГУ*. 2024. Т. 49. № 1 (69). С. 9 – 15.
22. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // *Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы*. 2015. С. 350 – 361.
23. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. 167 с.
24. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2000. 164 с.

REFERENCES

1. Telegina V.A. *Pravosudie kak social'no-pravovaya cennost' (vo-prosy teorii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2006. 28 s.*
2. Ershov V.V. *Pravo i pravosudie kak parnye kategorii // Rossij-skoje pravosudie. 2014. № 1. S. 5 – 17.*
3. Grigor'ev V.N. *O nekotoryh zamechaniyah k normativnym formu-lirovкам naznacheniya ugovolnogo sudoproizvodstva // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 1 (63). S. 127 – 133.*
4. Koni A.F. *Pravovye vozzreniya // pod obshchej redakciej V.G. Bazanova, L.N. Smirnova, K.I. CHukovskogo. Moskva, 1967. T. 4. 546 s.*
5. Kolokolov N.A. *Sudebnaya vlast' kak obshchepравovoj fenomen: av-toref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. Nizhnij Novgorod, 2006. 53 s.*
6. Morozov S.A. *Ponyatie pravosudiya v rossijskom ugovolnom pro-cesse // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. T. 22. № 2. S. 23 – 27.*
7. Strogovich M.S. *Priroda sovetskogo ugovolnogo processa i princip sostyazatel'nosti. Moskva: In-t gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR, 1939. 152 s.*
8. Burmagin S.V. *O sushchnosti, ponyatiyah i predelah ugovolnogo pravosudiya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2018. № 1. S. 32 – 53.*
9. Rubanik V.E. *Periodizaciya istorii pravosudiya v Drevnej Rusi IX – XV vv. v novejshej istoriografii: podhody i tendencii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2013. № 2 (10). S. 116 – 119.*
10. Bobrovskij O.V. *Ugovolnyj i grazhdanskij process po Russkoj Pravde: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Kazan', 2007. 27 s.*
11. Mihajlova I.B. *Polevoj poedinok – norma prava v srednevekovej Rusi // Istoriya povsednevnosti: nauchnyj zhurnal. 2016. № 1. S. 136 – 152.*
12. Bozrov V.M. *Osnovy teorii processual'nyh funkcij. Obshchaya chast': monografiya. Ekaterinburg: Izd. dom Ural'skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 2012. 96 s.*
13. Kozyrenko R.N. *Dogovor Smolenska, Vitebska i Polocka s Rigoj i Gotskim beregom 1229 goda kak istochnik dominiruyushchih predstavlenij o spravedlivosti v Drevnej Rusi // Aktual'nye voprosy prava, obrazovaniya i psihologii: sb. nauchn. trudov. Mogilev: Mogilevskij in-t MVD RB, 2022. Vyp. 10. S. 57 – 64.*
14. *Zakonodatel'stvo Petra I, 1696 – 1725 gody / sost., avt. predisl. i vst. sl. A. Tomsinov. Moskva: Zercalo, 2014. 461 s.*
15. Gorbachev V.P. *Obvinenie (ugolovnoe presledovanie) kak funk-ciya prokuratury v Rossijskoj imperii posle reformy 1864 g. // Lex Russica. 2023. T. 76. № 2. S. 101 – 112.*

16. Barabash A.S. Priroda rossijskogo ugovnogo processa, celi ugovno-processual'noj deyatel'nosti i ih ustanovlenie: monografiya. Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2005. 272 s.
17. Gessen V.M. O sudebnoj vlasti // Sudebnaya reforma / pod red. N.V. Davydova i N.N. Polyanskogo. T. 1. Moskva: Ob"edinenie, 1915. T. 1. 381 s.
18. Azarenok N.V. Konceptiya sovershenstvovaniya rossijskogo ugo-lovnogo processa v ramkah ego istoricheskoy formy: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.09. Ekaterinburg, 2021. 547 s.
19. Derishev YU.V. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: konceptiya procedurnogo i funkcional'no-pravovogo postroeniya: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.09. Omsk, 2005. 436 s.
20. Pobedkin A.V. Osnovnye polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij publichnosti ugovnogo sudoproizvodstva. Moskva: YUrlitin-form, 2024. 328 s.
21. Grishina E.P. Publichnoe i chastnoe nachala kak filosofskaya, so-ciologicheskaya i pravovaya kategoriya: ponyatie, razvitie v ugovno-processual'noj nauke // YUridicheskij vestnik DGU. 2024. T. 49. № 1 (69). S. 9-15.
22. Zajcev O.A., Abshilava G.V. Konvergenciya chastnogo i publichnogo i ee proyavlenie v ugovnom sudoproizvodstve // Pyatyj Permskij kongress uchenyh-yuristov. Izbrannye materialy. 2015. S. 350 – 361.
23. Epihin A.YU. Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. Syktyvkar, 2004. 167 s.
24. Epihin A.YU. Konceptiya bezopasnosti lichnosti v ugovnom su-doproizvodstve. Syktyvkar, 2000. 164 s.

Информация об авторах:

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского федерального университета, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, doc@epihin.ru

Гришина Екатерина Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, Grishina.K.ru@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors:

Epihin Alexander Yu., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Federal University, Professor of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of Russian State University of Justice, doc@epihin.ru

Grishina Ekaterina P., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of Organisation of Judicial and Law Enforcement Activity of the Russian State University of Justice, Grishina.K.ru@yandex.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Епихин Александр Юрьевич – проведение критического анализа и структурирование собранных материалов, подготовка окончательного варианта текста статьи, формулировка практических рекомендаций.

Гришина Екатерина Павловна – подготовка первоначального варианта статьи, структурирование методической части статьи, обобщение научных источников, формулирование первоначального варианта выводов, работа с библиографическим аппаратом.

Статья получена: 29.09.2024.

Статья принята к публикации: 24.12.2024.

Статья опубликована онлайн: 24.12.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.